

В.Б. Катаев

Московский университет и Лермонтов

Аннотация: Публикуется текст доклада, прочитанного автором на Международной научной конференции «200-летие со дня рождения М.Ю. Лермонтова» (Петербург, октябрь 2014). Автор освещает два аспекта темы «Московский университет и Лермонтов»: Лермонтов – студент Московского университета и изучение творчества Лермонтова в стенах университета. Названы те исследователи творчества поэта (начиная с С.П. Шевырева и заканчивая А.И. Журавлевой), которые внесли весомый вклад в лермонтоведение. Вспоминает автор семинар В.Н. Турбина и его участников, которые продолжили традиции изучения Лермонтова в Московском университете.

Ключевые слова: Московский университет и Лермонтов, С.П. Шевырев, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, В.О. Ключевский, Вл.С. Соловьев, Б.М. Эйхенбаум, Н.Л. Бродский, А.Н. Соколов, А.И. Журавлева, И.И. Виноградов, Ник. Бурляев

Abstract: Published the text of a paper read by the author at the International Scientific Conference «200th anniversary of the birth M.U. Lermontov» (Petersburg, October 2014). The author analyses two aspects of the theme «Moscow University and Lermontov»: Lermontov – a student at Moscow University, the study works of Lermontov at the Moscow University. were named those researchers of works of the poet (from S.P. Shevyrev to A.I. Zhuravleva), which made a significant contribution to these investigations. The author remembers a seminar of V.N. Turbin and its participants, who continued the tradition of studying Lermontov at Moscow University.

Key words: Moscow University and Lermontov, S.P. Shevyrev, V.G. Belinsky, A.I. Herzen, V.O. Klyuchevsky Vl.S. Soloviev, B.M. Eichenbaum, N.L. Brodsky, A.N. Sokolov, A.I. Zhuravleva, I.I. Vinogradov, Nick. Burlyayev

Тема о Лермонтове и Московском университете имеет две различные, хотя и взаимосвязанные стороны. Время с сентября 1828-го, года поступления в университетский Благородный пансион, по июнь 1832-го, «увольнения» из университета с формулировкой «*consilium abeundi*», несомненно, важный период в жизни поэта. Иногда в существующих жизнеописаниях сквозит пренебрежение этой полосой. В известной биографической киноленте Николая Бурляева нет многого, без чего не понять Лермонтова, может быть, в первую очередь отсутствует даже упоминание о пансионе и универ-

ситете – там из лет отрочества Лермонтов сразу перепрыгивает на плац юнкерской школы. Или – если упоминается, то так, например, как в биографическо-эзотерическом обзоре Павла Митюшёва: «Настала осень 1830-го. Чтобы хоть чем-то отвлечься [от безнадежной любви к Пушкину], Лермонтов начинает сдавать экзамены в Московский университет...» и т. п.

В серьезных исследованиях, в которых эта часть лермонтовской биографии освещается, причины недолгого пребывания Лермонтова в рядах студентов и объяснение «увольнения» его из университета представляются довольно однотипно (чаще всего – неудовлетворенность уровнем преподавания, со ссылками на слова Пушкина из письма к М.П. Погодину – «ученость, деятельность и ум чужды Московскому университету», или на мнение ровесника и однокашника Лермонтова Константина Аксакова: «Солнце истины освещало наши умы очень тускло и холодно»). Можно увидеть автобиографические штрихи в строках о Жорже Печорине из «Княгини Лиговской»: «Он в продолжение года почти не ходил на лекции и намеревался теперь пожертвовать несколько ночей науке и одним прыжком догнать товарищей». И «la bande joyeuse» – «Печорин с товарищи» – ничем не напоминает кружки Герцена или Станкевича.

Приводятся и иные, противоположные мнения об уровне профессорского преподавания в начале 1830-х гг. Но действительно, Лермонтов ушел до того возрождения университетского уровня, которое произойдет во второй половине десятилетия. Исключение Лермонтова осталось в ряду подобных неприятных страниц в богатой истории Московского университета, как и исключение Белинского, а в XX в., например, исключение моего однокурсника Венедикта Ерофеева (тоже после 2-го курса). Историческим парадоксом становилось последующее изучение творчества этих изгнанников профессорами и студентами их *alma mater*.

Как бы то ни было, остается определение Московского университета из «Сашки»: «Святое место! Помню я, как сон, / Твои кафедры, залы, коридоры, / Твоих сынов заносчивые споры...» – и университет ныне с гордостью считает Лермонтова одним из своих славных воспитанников.

Другая сторона темы – «Московский университет и Лермонтов» – изучалась и систематизировалась, пожалуй, в меньшей степени. Но в сплетении венка Лермонтову в русской критике и науке о литературе роль воспитанников Московского университета несомненна. Я коснусь лишь некоторых страниц этой темы.

Первыми здесь должны быть названы имена Белинского и Герцена, его сверстников и однокашников.

Очевидна основополагающая роль многих оценок из статей Белинского. Он первый поставил Лермонтова в ряд гениев мировой литературы, первый задал параметры сопоставления с ближайшими предшественниками – Байроном и Пушкиным. Десятилетия спустя Б.М. Эйхенбаум будет иронизировать над «общими фразами и неопределенными метафорами» в характери-

стихах Белинским лермонтовского стиха. Но доказывать необходимость обращения к историко-литературной специфике в изучении Лермонтова ученый XX в. будет начинать с того, что первым наметил именно Белинский – с поворота от «пушкинского периода русской словесности» к эпохе Лермонтова. В стихотворениях и романе Лермонтова Белинский увидел точное отражение состояния современного русского общества – и в то же время вывел искания героя романа и его автора из календарного в большое временное пространство, заметив их близость всем, «кто принадлежит к нашему времени не по одному году и числу месяца, в которые родился...»

Герцен имел возможность прямо назвать исторические корни того состояния духа, которое выразил Лермонтов, – он вывел их из трагедии декабря 1825 года и также провел контрастное сопоставление поэтического мира Лермонтова с пушкинским. И Герцен дал понимание роли Московского университета в воспитании русских юношей своего с Лермонтовым поколения. «Московский университет свое дело делал; профессора, способствовавшие своими лекциями развитию Лермонтова, Белинского, И. Тургенева, Кавелина, Пирогова, могут спокойно играть в бостон и еще спокойнее лежать под землей...»

Далее следует перейти к неоднозначной фигуре в истории русской критики и науки – Степану Петровичу Шевыреву. Поэт, выступивший раньше Лермонтова (одно из его стихотворений благосклонно отмечено Пушкиным). Критик, одновременно с Белинским откликнувшийся на сборник стихотворений и роман Лермонтова. Уже после ухода Лермонтова из университета стал адъюнктом, а затем профессором Московского университета. Всё это нашло отражение в его обращениях к Лермонтову. Лермонтову-поэту Шевырев явно завидовал. Его статья о «Стихотворениях Лермонтова» начинается с едва скрываемого раздражения и недоумения по поводу того, что молодой поэт рано издал свой сборник: в современной русской поэзии есть более заслуженные стихотворцы. В памфлете Белинского «Педант» указан точный источник подобного шевыревского сетования: «досада на успехи других и на собственные неудачи». (Серьезное сопоставление Шевырева-поэта с Лермонтовым будет проделано учеными уже в XX в.) Убого выглядит сведение Шевыревым причин выраженного Лермонтовым состояния русского общества лишь к тлетворному влиянию западной литературы.

Но сохраняет значение одна из сторон критики Шевырева. Стремясь приуменьшить оригинальность лермонтовской поэзии, он педантично перечислил примеры многих переключек стихов Лермонтова со стихами предшественников и современников – от Кирши Данилова и Жуковского до Дениса Давыдова и Баратынского и дал этому свое определение – «протеизм Лермонтова» (другими давались иные определения: «эклектизм», по Кюхельбекеру; «собираемость, сплачивание», по Эйхенбауму). Можно сказать, что Шевырев проделал полезную работу; в истории лермонтоведения эти его разыскания упоминаются в числе первых шагов, хотя истинное объяснение этой стороны

лермонтовской поэзии Шевыреву оказалось отнюдь не по силам. Если сейчас и используется предложенный им термин, то по аналогии с подобными примерами протезизма великих поэтов – от Шекспира до Пушкина.

На протяжении последующих десятилетий XIX-го и первой половины XX-го столетий развитие лермонтоведения – издание собраний сочинений, собирание мемуаров, первые монографии, интерпретации, – шло почти минуя Московский университет. Значимыми сегодня выглядят два выступления университетских профессоров, статьи В.О. Ключевского и Вл.С. Соловьева.

В своей статье «Грусть (Памяти М.Ю. Лермонтова)» (1891) Василий Осипович Ключевский назвал «личную грусть» (а не «мировую скорбь») ведущим мотивом и главным поэтическим содержанием лирики Лермонтова и увидел в этом отражение «национально-религиозных настроений» русского народа. Еще Белинский в статье о «Герое нашего времени» говорил о «невывразимо грустном впечатлении», которое производит образ Печорина, называл роман «грустной думой о нашем времени». Но Ключевский, выводя понимание Лермонтова за пределы его исторической эпохи, скорее развивал высказанную ранее Аполлоном Григорьевым (также выпускником Московского университета) мысль о «русской душе» поэта и о присутствии в его произведениях начал «не чуждых вообще нашей народной сущности».

Странным могло показаться в статье выдающегося историка утверждение о безотносительности исторических событий времен отрочества и юности Лермонтова к формированию основных мотивов его творчества: «На каких развалинах сидел Лермонтов? Какой разрушенный Иерусалим он оплакивал? Ни на каких и никакого. В те годы у нас бывали и потрясения, но ни одного из них нельзя назвать крушением идеалов». Ключевский тем самым опровергал ответ на поставленные вопросы, данный в свое время Герценом, – о решающем влиянии на Лермонтова и все его поколение крушения декабризма и его идеалов. Спор о Лермонтове переводился из исторического истолкования во всевременное, вечное.

Другим, но прямо противоположным по выводам опытом осмысления лермонтовского наследия стала на рубеже XIX и XX столетий предсмертная статья Владимира Сергеевича Соловьева «Лермонтов» (1899). Лермонтов для него – ближайший предшественник ницшеанства, обуянный демонизмом («демон кровожадности», «демон нечистоты», «демон гордости»). «Как высока была степень прирожденной гениальности Лермонтова, так же низка была его степень нравственного усовершенствования». Статья Соловьева была признана «недоброй», исполненной «глухой ненависти»; но, как и многое другое, выходящее из-под его пера, соловьевское толкование Лермонтова оказало влияние на несколько поколений начала столетия. Оспаривая оценки, вынесенные в статье Соловьева, поэты и критики Серебряного века усваивали и принимали предложенный в ней «метафизический» угол зрения.

Перейду к именам, заявившим о себе в середине XX в. Филологический факультет был возрожден в составе Московского университета в декабре 1941 г. Во все последующие десятилетия Лермонтов оставался в центре преподавания и изучения на факультете.

Профессор кафедры истории русской литературы МГУ Николай Леонтьевич Бродский в первом томе не завершённой им биографии Лермонтова (1948) впервые ввел в оборот богатый фактический материал, в том числе связанный с окружением Лермонтова в годы пребывания его в Благородном пансионе и Университете.

Авторы обзора «Лермонтоведение» в «Лермонтовской энциклопедии» из всего потока писавшегося о Лермонтове на сумрачном рубеже 1940–1950-х гг. заслуженно выделяют работы Александра Николаевича Соколова. Не поддаваясь на провокации и соблазны тогдашних проработочных кампаний, А.Н. Соколов последовательно и благородно вел разработку проблем поэтики и стилистики. В его исследованиях истории русской поэмы особое место занимали работы о Лермонтове – «Композиция “Демона”» (1941), «Лермонтов и судьбы русской поэмы» (1964), «Художественный образ в лирике Лермонтова» (1964) и другие. Они создали ему бесспорную репутацию ведущего исследователя Лермонтова. Заведуя кафедрой, работая деканом филологического факультета, А.Н. Соколов немало сделал для сохранения и приумножения кадров опытных и молодых литературоведов и оставил после себя немало достойных учеников.

Среди тех, кто был на филфаке МГУ в годы деканства и заведования кафедрой А.Н. Соколова и оставил свой след в лермонтоведении, я хотел бы назвать двоих.

Первый из них – Игорь Иванович Виноградов, наш выпускник и некоторое время преподаватель кафедры (в моей студенческой группе он вел занятия по введению в литературоведение). Его статья «Философский роман Лермонтова» появилась на страницах «Нового мира» в 1964 г. В ней Виноградов обосновывал особое, «ключевое» положение «Фаталиста» в романе. Эта статья тогда была в ряду других новомирских статей о современном звучании классических произведений (Юрия Манна о Базарове или Владимира Лакшина о «мудрецах» Островского), и читалась она тогда как один из манифестов шестидесятничества, наряду, скажем, со статьями Лакшина и того же Игоря Виноградова о солженицынском Иване Денисовиче.

Критика тогдашнего «Нового мира», борясь с закостеневшими догмами предшествующих интерпретаций, предлагала, в духе добролюбовской «реальной критики», при разговоре о литературном произведении говорить «о жизни». Произведения русской классики, в их числе лермонтовский роман, говорилось в статье Виноградова, «живут и сегодня, участвуют в сегодняшних спорах и поисках». Для этого необходимо, утверждали новомирцы, «видеть вещи в их настоящем свете». Выходя уже за пределы анализируемого произведения (а анализ и всего романа, и «Фаталиста» предлагался весьма

интересный и глубокий), автор статьи, например, вопрошал: «Задумывались ли вы о том, читатель (а это обращение к читателю «Нового мира» 60-х! – В.К.)... о сомнительной привычке считать вполне естественным, «житейским» делом отступничество от любых идеалов, раз их сегодняшнее осуществление невозможно?»

Размышления Печорина об отсутствии у него веры «людей премудрых», отказ героя от, как формулировал критик, «добреньких иллюзий религии», «прекраснодушных упований розового гуманизма» должны были находить и действительно находили понимание у тогдашних новых поколений. «Он (Лермонтов. – В.К.) близок нам, сегодняшним людям, он наш предшественник и союзник».

С той поры прошло полвека. Виноградов от университетского преподавания ушел всецело в критику и журналистику, а в последние десятилетия, очевидно, многое переосмыслил, – об этом свидетельствует изменение некоторых формулировок в новом издании данной статьи. Но эволюция советского шестидесятничества в годы рубежа веков – это тема отдельная.

Я же обращаюсь к другому представителю лермонтоведения тех десятилетий в Московском университете – Владимиру Николаевичу Турбину. Книга Турбина «Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Об изучении литературных жанров» (1978) тоже может рассматриваться как свидетельство изменения общественных и литературоведческих вех и как отражение личных особенностей и пристрастий автора.

Книга, вышедшая в издательстве «Просвещение» тиражом 150 тысяч экземпляров, обращена прежде всего к студентам-филологам, будущим словесникам, учителям средней школы. Критики, обвинившие книгу Турбина в «голом экспериментаторстве», поисках непрременной оригинальности, «методологической невесомости» и т. п., были и правы, и неправы. Книга многослойна, и составляющие ее слои неравноценны. Тут и последовательное применение к избранным авторам бахтинской (в огласовке П. Медведева) теории жанров, и собственные находки, добавляющие новые штрихи к истории создания великих произведений (например, отклики большой литературы на материалы текущей журналистики – особенно перепаханный в книге вдоль и поперек «Благонамеренный»; присутствие малых жанров – эпиграммы, мадригала, эпитафии и др. в метафорике «Героя нашего времени»; прослеженная полемика в этом романе с «Иваном Выжигиным» Ф. Булгарина и т. д.). Главное же – особая манера изложения и подачи материала, специфика разговора с читателем – своеобразная арабесочность в противовес привычной монументальности литературоведческих трудов. Турбин, стремясь опровергнуть представление о литературе как о застывшем «множестве книг», вовлекает читателей в игру, поиск нестандартных ответов, при этом нередко ошеломляя головокружительными параллелями и сопоставлениями, порой вызывая изумление или желание возразить (пример: «съедобную» фамилию

Грушницкого он выводит от Аграфены – Груни, Груши – из «Ивана Выжигина»; ассоциация смелая, но совсем не обязательная).

Надо сказать, что именно в такой манере он вообще писал свои статьи (а был он автором многих громких публикаций в те же 1960-е гг.), а главное – читал лекции и вел занятия своих семинаров. След, оставленный В.Н. Турбиным в истории лермонтоведения в Московском университете, отнюдь не ограничивается названной и другими публикациями. Турбин-преподаватель был и остается одной из видных, почти мифологических фигур в памяти факультета. Понятия «турбинизмы», «турбинисты(-тки)» актуальны и поныне, более 10 лет после его ухода. Оставшийся, как и его кумир М.М. Бахтин, в учебной иерархии лишь доцентом, Турбин, как магнит, притягивал слушателей в свой лермонтовский семинар. То, что кому-то могло показаться несерьезной игрой, уходом от методологической догматики, воспитывало в слушателях Турбина не боязнь идти нетривиальными путями в науке и в жизни.

Продуктами лермонтовского семинара Турбина становились и будущие вольнодумцы наступающих десятилетий (впрочем, одной из поклонниц и любимых его учениц была студентка Ирина Андропова), но немало и собственно исследователей Лермонтова и других писателей. В.Н. Турбин и Л.С. Мелихова, В.Н. Турбин и И.Е. Усок, В.Н. Турбин и А.И. Журавлева – так, под двойным авторством, выходили работы, ныне представленные во всех лермонтовских библиографиях, а ведь соавторы Турбина в них – его студенты и аспиранты. Он замечал на самых ранних подступах – в курсовых и дипломных работах – проблески серьезных находок или умозаключений и выводил их в печать, делая общим достоянием. В этом было что-то лермонтовское – поиск души родной в грядущих поколениях.

Вряд ли можно говорить об особой школе Турбина в лермонтоведении, но несомненна заслуга его в том, что своей многолетней работой со студентами лермонтовского семинара, пестованием новых исследователей он прокладывал живые пути, формировал кадры лермонтоведения завтрашнего дня.

Одной из самых заметных воспитанниц турбинского семинара (как впрочем, и научного руководства А.Н. Соколова) стала Анна Ивановна Журавлева. Я помню, как еще в аспирантские годы она посетовала: «Почти всё, что я думала сказать, написала в последних книгах Л.Я. Гинзбург. Что же мне делать?» Но вопреки этим, вполне понятным, сомнениям, Журавлева выросла в одного из видных и оригинальных лермонтоведов последнего времени.

Одна из наиболее значимых ее книг – «Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики» (2002) – рассматривает творчество Лермонтова в ближнем и дальнем контекстах, в малом и большом историческом времени. Лермонтовское наследие в освещении А.И. Журавлевой предстает как «активный участник» всего последующего развития русской поэзии и прозы. Шевырев, Веневитинов, Кюхельбекер, Баратынский, поэты кружка Станкевича, Хомяков, Тютчев а затем Некрасов, Достоевский предстают в конкретных сопоставлениях с Лермонтовым, и каждый раз исследователь находит специ-

фический аспект такого сопоставления. Вот некоторые из них: ««Московская поэтическая школа» и проблема альтернативных путей в литературе»; или две ветви в философской лирике: «поэзия мысли» и «поэзия мышления»; или «поэзия антитез» Баратынского и «поэзия контрастов» Лермонтова; изменение и диффузия жанра элегии; адаптация балладности другими жанрами; синкретичность лермонтовской прозы; наконец, русская классическая литература XIX в. как национальная мифология. Это соединение конкретики анализа с постановкой широких теоретических проблем отличает книгу А.И. Журавлевой, одно из интереснейших явлений лермонтоведения последнего времени.

Анну Ивановну отличала способность спокойно, но твердо отстаивать важные, по ее понятиям, позиции – не только в науке, но в жизни в целом. В книге памяти А.И. Журавлевой, собранной ее учениками, опубликовано ее письмо, адресованное кинорежиссеру Николаю Бурляеву, приглашавшему ее участвовать в работе над фильмом «Лермонтов» (1986). Это письмо – не просто высказывание литературоведа, удрученного многочисленными несообразностями в киносценарии. Журавлева высказывает свою гражданскую, мировоззренческую позицию, настойчиво (хотя, как оказалось, безуспешно) пытается предостеречь талантливого художника от набиравшей силу тенденции представлять Лермонтова глашатаем националистических идей, игнорируя всё в творчестве поэта, что не «влезает» в такую концепцию.

И вновь – не создано, может быть, отдельной школы, но остались преданные ученики, на которых научные и общемировоззренческие заветы учителя оказали прочное и продолжающееся влияние.

И сегодня на филологическом факультете МГУ работает лермонтовский семинар, в него идут студенты; и, как показала только что прошедшая московская часть юбилейной конференции, Лермонтов остается жить в стенах своего, Московского университета.

Сведения об авторе:

Владимир Борисович Катаев,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vladimir B. Kataev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University